
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ЗАЛОГ ЕГО БЕЗОПАСНОСТИ

Азимова М. Р.*

В работе с точки зрения устойчивого развития как основы для современного понимания состояния безопасности рассмотрены ключевые невоенные угрозы безопасности стран СНГ и их интеграционного ядра – ЕАЭС. Показано, что, несмотря на успешные тенденции укрепления сотрудничества в экономической сфере, существует целый ряд естественно сложившихся или predetermined географией барьеров и вызовов для успешности совместного развития, преодолеть которые могут только консолидированные усилия всех стран в рамках интеграционных мегапроектов, включающих транспортно-инфраструктурную, инновационно-технологическую и социогуманитарную составляющие. Наиболее важным условием продвижения и реализации таких мегапроектов представляется формирование Евразийского научного совета по устойчивому развитию, исследования и рекомендации которого не только обеспечивали бы их претворение в жизнь, но и комплексно и наглядно демонстрировали руководству стран и общественности реальный уровень устойчивости развития всего постсоветского пространства.

Ключевые слова: устойчивое развитие, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, экономическая, гуманитарная интеграция, интеграционные мегапроекты.

In the article, from the point of view of sustainable development as a basis for a modern understanding of the state of security, key non-military threats to the security of the CIS countries and their integration core, the EAEU are considered. It is shown that in spite of a number of successful trends in strengthening cooperation in the economic sphere, there are a number of naturally established or predetermined by geography barriers and challenges for the success of joint development, which can only be overcome by the consolidated efforts of all countries in the framework of integration megaprojects, including transport and infrastructure, innovation-technological and socio-humanitarian components. The most important condition for the promotion and implementation of such mega-projects is the formation of the Eurasian Scientific Council for Sustainable Development, the studies and recommendations of which would not only ensure their implementation, but also comprehensively and clearly demonstrate to the leadership of countries and the public the real level of sustainability of the development of the entire post-Soviet space.

Keywords: sustainable development, CIS, EAEU, CSTO, economic and humanitarian integration, integration megaprojects.

* Азимова Малика Рустамовна – научный сотрудник Института проблем безопасности СНГ. E-mail: malkaaz@mail.ru.

Устойчивое развитие – ключевая стратегическая концепция развития человечества, одобренная практически всеми странами, реализуемая в рамках решений Конференцией ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. в Рио-де-Жанейро, закреплённая в Целях развития тысячелетия 2000 г., Целях устойчивого развития 2015 г. С точки зрения обеспечения глобальной, региональной, коллективной, национальной или даже отраслевой или локальной безопасности (как состояния защищённости) устойчивое развитие в теоретическом и практическом смысле является ее синонимом, поскольку только состояние гармоничного соразвития всех сфер и элементов жизни организованного социума и внешней среды можно назвать безопасным. В этом контексте невоенные и не террористические угрозы безопасности, не связанные непосредственно с применением оружия, по крайней мере на стадии их возникновения и оформления, но связанные с быстрым ростом населения, загрязнением окружающей среды, экономической стагнацией, криминализацией экономики, бедностью, голодом, нехваткой пресной воды, межэтническими конфликтами, политической дестабилизацией и социальными болезнями, несовместимые или малосовместимые с состоянием устойчивого развития в современном мире, более значимы для стран и регионов, чем угрозы прямого военного вторжения или террористических атак.

Устойчивое развитие как концепция управления на государственном уровне сконцентрировано зачастую прежде всего на взаимоотношениях человека и окружающей среды. На Земле, безусловно, начался антропоцен [Исбернер, Лена 2018] – новая эпоха геологической истории, когда влияние человека на окружающую среду приобретает критические для глобальной экосистемы масштабы. Ранее В. И. Вернадский довольно подробно писал о неизбежности и геологическом масштабе такого влияния [Вернадский 1965]. Что касается других сфер устойчивого развития, особенно при решении проблем соразвития на международном, региональном и глобальном уровнях, то зачастую национальные интересы вступают в противоречие с интересами того или иного уровня общности. При этом очевидно, что само по себе принятие повесток дня, концепций и стратегий движения в сфере устойчивого развития не только для ООН, но и для стран исторически сложившихся регионов и пространств, в частности СНГ и ЕАЭС, является необходимым [Ильин и др. 2015].

В связи с вышеизложенным, поскольку постсоветское пространство является традиционным и непреложным приоритетным направлением российской внешней политики, с точки зрения необходимости обеспечения его коллективной безопасности важно определить современное состояние, особенности, перспективы освоения концепции устойчивого развития не только на государственном уровне, но и на уровне межгосударственных институтов.

Угрозы евразийскому пространству с точки зрения именно недостаточной устойчивости его развития были подробно изучены с различных взаимосвязанных сторон. Так, показано, что демографические, миграционные процессы в евразийском пространстве могут приводить не только к экономическим дисбалансам, но и к росту террористических угроз [Ситнянский 2009].

Интеграция на пространстве СНГ сама по себе не является залогом безопасности и устойчивого развития региона, но является, конечно, необходимым его условием. Формальная близость политических позиций, наличие институтов экономической интеграции и коллективной безопасности в военной сфере не решает

проблемы устойчивости развития. Велика дифференциация экономического развития постсоветских стран, сохраняется экспортно-сырьевая модель развития сильнейших в экономическом отношении России и Казахстана; в рамках ЕАЭС слабо развито инвестиционное сотрудничество в таких парах стран, как Белоруссия – Армения, Казахстан – Армения, Киргизия – Армения, Белоруссия – Киргизия, Казахстан – Белоруссия; транспортная инфраструктура не отвечает современным потребностям как интеграции, так и совместного взаимодействия с внешним миром, а главное, пока не сформирована единая система общеинтеграционных экономических интересов, наблюдается расхождение экономических интересов стран – участников интеграционного процесса [Ганеева 2017а]. Фактически сегодня нет условий для «восторженной апологетики» процесса и состояния интеграционных институтов [Современное... 2015].

Формально архитекторы евразийской интеграции пошли путем, близким к пути Европейского союза, интеграция в рамках которого должна осуществляться посредством реализации так называемых Маастрихтских критериев – свода принципов и правил макроэкономической политики, которые страны обязаны выполнить для вступления в Европейский союз и затем – в еврозону. Однако страны Евросоюза суммарно экономически гораздо сильнее, и у Евросоюза нет поблизости таких сильных игроков, как Китай, который в последние годы проявляет все больший интерес к сотрудничеству с отдельными интересующими его странами. Стремительно растут китайские инвестиции в страны ЕАЭС, но наибольшая их доля приходится на Казахстан, активно развивается всестороннее сотрудничество КНР со странами Центральной Азии [Кузнецов и др. 2016].

Стратегия национальной безопасности Армении была принята еще 26 января 2007 г., Концепция национальной безопасности Беларуси – 9 ноября 2010 г. (с изменениями и дополнениями – 30 декабря 2011 г. и 24 января 2014 г.), Закон о национальной безопасности Казахстана – в 2012 г. (с изменениями и дополнениями на 6 апреля 2016 г.), Концепция национальной безопасности Кыргызстана – 31 июля 2012 г., и только в России относительно недавно – 31 декабря 2015 г. На уровне стратегических документов, пожалуй, только наша страна видит укрепление интеграции на евразийском пространстве в качестве непреложного приоритета. В Стратегии национальной безопасности РФ указано, что Россия всемерно способствует интеграционным процессам в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС в политических и экономических целях. В то же время другие страны ЕАЭС, соглашаясь с важностью и значимостью взаимовыгодной интеграции, указывают на необходимость сопряженности ее интересов с интеграцией на европейском пространстве и с китайской стратегией «Один пояс – один путь» (Беларусь), на наличие прямых препятствий для интеграции в виде нерешенных или слабо решаемых за ее счет региональных проблем, ссылаясь также на важность сотрудничества с программой НАТО «Партнерство ради мира» (Кыргызстан), либо совсем не упоминают интеграцию в качестве важного залога обеспечения безопасности.

Справедливо мнение, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве практически целиком зависят от инициатив России. Почти 90 % рынка ЕАЭС – это российский рынок, и 80 % экономического потенциал ЕАЭС – это потенциал Российской Федерации, значительная сырьевая ориентированность экономики которой заставляет с большой осторожностью относиться к интеграционным проектам. Россия, имея стратегические интересы расширения своего

политического и экономического влияния, справедливо рассматривается как ключевой заинтересованный в евразийской интеграции актор и лидер процесса [Мигранян 2017]. Рыночные отношения, в том числе в области поставок энергоносителей, скорее всего, всегда будут подчинены прежде всего политическим интересам сохранения и укрепления евразийского пространства. При этом прорывных интеграционных проектов на сегодня явно не хватает. Экономическая безопасность интеграционного объединения определяется как политика, позволяющая обеспечивать «реализацию общих экономических интересов стран – членов; эффективное удовлетворение потребностей всех участников объединения; создание общей конкурентоспособной экономической системы на основе эффективного разделения труда между странами; неуязвимость интеграционного объединения от внутренних и внешних угроз; защиту экономических интересов объединения», при этом несовпадение экономических интересов интегрирующихся стран рассматривается как основная угроза экономической безопасности ЕАЭС, а наличие общего интеграционного проекта, совместная индустриализация и инновационная модернизация, создание совместных предприятий и евразийских транснациональных корпораций справедливо рассматриваются как ключевое условие экономической безопасности [Ганеева 2017б].

Основная тема развития ЕАЭС на сегодня – это реализация транзитного потенциала Евразийского экономического союза [Самарина 2019]. Другая идея – создание евразийских брендов наподобие тех, что есть в Европейском союзе. Кооперация европейских стран вокруг проектов, таких как «Airbus», дает сильный импульс для экономического развития, позиционирования себя в мировом масштабе. Необходимо создавать евразийские бренды [Там же].

Серьезным препятствием для развития стран евразийского пространства представляется сама их география. Казахстан является крупнейшей страной мира без выхода к Мировому океану, Беларусь – крупнейшая страна Европы без выхода к морю, Кыргызстан и Таджикистан – государства без выхода к морю с одними из наиболее высоких точек суши. При этом хорошо известно, что экономики стран, не имеющих выхода к морю, растут медленнее на 1,5 %, их товарооборот на 30 % ниже, а транспортные издержки вдвое выше по сравнению с государствами, имеющими выход к морю. В этих условиях важна совместная консолидация усилий и средств вокруг проектов интеграции. Пока же низкая наукоемкость ВВП стран постсоветского пространства является хронической проблемой. Технологическая кооперация находится на невысоком уровне. Идеи формирования низкоуглеродной экономики пока только начинают закрепляться в стратегических документах развития России и Казахстана, однако уже очевидны угрозы быстрого перехода к ней развитых стран, что не может не отразиться на доходах от экспорта углеводородов. Остро необходимы согласование и гармонизация приоритетов научно-исследовательской деятельности и формирования совместных программ [Рулева 2017].

В научном плане вопросы интеграции и интеграционных объединений требуют особого внимания. В названиях, ключевых словах и резюме работ, размещенных в Российской электронной научной библиотеке (РИНЦ), являющейся одновременно базой публикаций многих ученых стран СНГ, по данным автора на 15 апреля 2020 г., ОДКБ упоминается более чем в 1 тыс. публикаций, 729 из них опубликованы с 2015 г. При этом публикаций о ЕАЭС на порядок больше – почти

12 тыс. Если СНГ упоминается всего за все время более чем в 22 тыс. публикаций, то частота упоминаний за последние годы – примерно 600 работ в год, таким образом, научный интерес к интеграции в последние годы сконцентрирован на ее экономических аспектах. В БД «Scopus» по аналогично полученным данным автора число публикаций по ОДКБ с 1992 г. – всего 43, из них 25 – с 2015 г., 10 из них написаны россиянами, 6 – учеными Казахстана, 6 – учеными США, в основном выходцами из России. При этом НАТО, например, посвящено более 11 тыс. работ, 1,2 тыс. из них одновременно касаются и России, только 36 – Казахстану, 363 – Украине, при этом если первый всплеск – почти до 10–20 работ в год – был в 2005 г., второй – до 25–45 работ в год – отмечается с 2014 г. 204 работы содержат упоминание Грузии. Таким образом, интерес к военно-политической интеграции на евразийском пространстве на научном Западе весьма невелик, а вот интерес к отдельным странам в данной сфере может быть довольно существенным.

Несомненны между тем и успехи интеграции. 3,5 млн рабочих мест было создано в результате формирования Союзного государства России и Белоруссии [Рулева 2017]. 600 тыс. граждан Кыргызстана могут работать в Российской Федерации без патентов, квот, сдачи экзамена на знание русского языка. В 2017 г. Армения зафиксировала рост своего экспорта в Россию на 87 %. В Казахстане быстро растет производство автомобилей (свои сборочные предприятия открыли международные концерны), объем их выпуска в республике в 2017 г. вырос в четыре раза в сравнении уровнем с 2016 г., что связывают с открытием новых рынков сбыта на территории стран ЕАЭС [Каких результатов... 2017].

Важнейшим направлением обеспечения устойчивости развития является продовольственная безопасность. Еще в середине 1990-х гг. было подсчитано, что ориентация сельского хозяйства стран СНГ, включая пищевую промышленность, на свои рынки и рынки СНГ позволяет сократить в регионе импорт из дальнего зарубежья плодоовощной продукции в три раза, мясной и рыбной продукции – вдвое, молочной – более чем на одну треть. Однако вовлечение стран постсоветского пространства в ВТО привело к тому, что доля импорта продовольствия и сельхозсырья в страны СНГ к середине 2010-х гг. превысила в среднем 30 %. Однако «благодаря» санкциям Евросоюза и ответным шагам России доля агропродукции из стран СНГ сразу выросла в три раза – до 25 % [Балиев 2015]. В целом СНГ по своим масштабам является крупнейшим рынком продовольствия, страны СНГ – это 16 % мировой территории и 13 % мировой пашни. Евразийская интеграция (ЕАЭС) позволяет повысить уровень самообеспеченности продовольствием с 70 % до 75 % для Армении, с 70 % до 82,5 % для Казахстана, с 80 % до 89 % для Кыргызстана, с 89 % до 93 % для России [Мониторинг... 2014]. Особенно важны проблемы продовольственной безопасности для стран Центральной Азии. С момента распада СССР население постсоветской Центральной Азии выросло более чем на 20 млн человек. Согласно прогнозам ООН, к 2030 г. население этого региона превысит 80 млн человек, а к 2045 г. – 90 млн. Опираясь на данные ООН и ФАО, С. Пейруз приводит более тревожные, чем в абзаце выше, показатели: Таджикистан способен обеспечить свои потребности в продовольствии лишь на 31 %, в то время как Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан покрывают свои потребности в продовольствии за счет собственных ресурсов приблизительно на 50 %. Особое беспокойство вызывают Таджикистан и Кыргызстан: 30 % таджиков и 27 % киргизов испытывают трудности с пропитанием [Пейруз 2013].

В настоящее время уже трудно говорить о гуманитарном аспекте единой безопасности евразийского пространства, на смену поколению лидеров и элиты в целом, обучавшихся в советских школах и вузах, зачастую бывших членами одной партии, неизбежно приходят новые профессионалы, в том числе получившие высшее образование не только в своих странах, но и в дальнем зарубежье. Прагматичный подход к интеграции неизбежно становится на постсоветском пространстве близким к мейнстриму. Государства укрепляют свою национальную идентичность, развивают многовекторность гуманитарного сотрудничества. В Азербайджане, Грузии, Таджикистане русский язык сдает свои позиции из-за низкого уровня его преподавания в школах и вузах. В целом на русский язык в учебных заведениях СНГ приходится в 20 раз меньше часов, чем на иностранные языки. Вообще численность относящих себя к русским на постсоветском пространстве снизилась за постсоветский период в 2 раза. Только Белоруссия присвоила русскому языку статус государственного. В Кыргызстане, Казахстане и Южной Осетии он является официальным языком, а в Молдавии, Таджикистане и на Украине – языком межнационального общения, статус языка формально не определен в Грузии и Армении, хотя в последней активно изучается. В сфере образования на русском языке обучаются 75 % детей в Белоруссии, 41 % – в Казахстане, 25 % – на Украине, 23 % – в Кыргызстане, 21 % в Молдове, 7 % в Азербайджане, 5 % – в Грузии, 2 % – в Армении [Новикова 2014]. Впрочем, доля студентов и аспирантов из стран СНГ в России постоянно растет. В странах СНГ работают филиалы МГУ имени М. В. Ломоносова, успешно функционирует Евразийская ассоциация университетов, ведется научный и научно-практический диалог.

Поскольку неизбежность и инвариантность интеграции для обеспечения безопасности и устойчивого развития очевидна, необходимо постоянное и закрепленное в стратегических документах, а еще лучше – в «стратегическом сознании» прагматичное понимание необходимости интеграции. Для этого требуется более прикладной для государственного управления и межгосударственных коммуникаций подход к устойчивому развитию всего евразийского пространства как синониму его общей, коллективной безопасности. В настоящее время устойчивое развитие все еще зачастую понимается больше в экологическом ключе, показатели для его измерения зачастую сосредотачиваются на измерении удельных величин загрязнений в расчете на единицу ВВП [Устойчивое... 2015], что несомненно важно, однако далеко не исчерпывает полную суть понятия.

Конечно, страны постсоветского пространства считают устойчивое развитие приоритетной целью национальной политики. Семь стран из двенадцати имеют официально утвержденную стратегию устойчивого развития. Последнее рассматривалось совсем недавно как приоритетная цель национальной политики Украины в рамках соответствующей концепции перехода к нему (находится на рассмотрении с 2012 г.). В Узбекистане Национальная стратегия устойчивого развития принята еще в 1997 г., затем была сформирована соответствующая Национальная комиссия при Министерстве экономического развития, полномочия которой в 2005 г. были переданы Информационно-аналитическому департаменту по вопросам сельского и водного хозяйства, переработки сельскохозяйственной продукции и потребительских товаров Кабинета Министров (одна из ключевых проблем – Аральское море). В Туркменистане нет утвержденной стратегии, однако соответствующая нормативная база по вопросам охраны окружающей среды

учитывает ее принципы. Концепция перехода Республики Таджикистан к устойчивому развитию была утверждена постановлением правительства в 2007 г. и в целом направлена не только на решение экологических вопросов, но и на достижение устойчивого экономического роста, снижение и ликвидацию бедности, обеспечение социальной, продовольственной и энергетической безопасности и надлежащее управление природными ресурсами.

В 1994 г. президент России утвердил «Основные положения государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития», Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Государственная Дума Российской Федерации третьего созыва создала Комиссию по проблемам устойчивого развития. В 2002 г. были опубликованы «Основные положения Стратегии устойчивого развития России» [2002]. Данная Стратегия официально не утверждена, но многие ее подходы нашли отражение в ключевых стратегических документах социально-экономического развития и Стратегии национальной безопасности. В Молдове разработан проект Национальной стратегии по охране окружающей среды и проект Закона об охране окружающей среды, однако официально утвержденных документов устойчивого развития в стране все еще нет.

В 2012 г. в Кыргызстане указом президента создан Национальный совет по устойчивому экономическому развитию, который почти сразу же был переименован в Национальный совет по устойчивому развитию Кыргызской Республики в связи с решением о необходимости расширения его полномочий. В начале 2013 г. была одобрена Национальная стратегия устойчивого развития КР на 2013–2017 гг., разработанная Национальным советом. В 2006 г. Указом № 216 Президента Республики Казахстан была утверждена Концепция перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007–2024 гг. Она включила в себя три направления развития: экономическое, социальное и экологическое. Цель Концепции определена как «достижение баланса экономических, социальных, экологических и политических аспектов развития Республики Казахстан как основы повышения качества жизни и обеспечения конкурентоспособности страны в долгосрочной перспективе».

В Грузии приняты многочисленные меры для выполнения обязательств в рамках различных, в основном европейских программ. Первая Национальная программа действий по охране окружающей среды принята в 2000 г., она рассматривала по большей части проблемы окружающей среды. Вторая Национальная программа действий (2012) определила меры в сфере регулирования охраны и использования водных ресурсов, воздушной окружающей среды, работы с отходами и химикатами, обеспечения экологической безопасности Черного моря; меры в сфере биоразнообразия и развития особо охраняемых территорий, лесного хозяйства, земельных ресурсов, минеральных ресурсов, предотвращения и работы с последствиями стихийных бедствий; меры в области ядерной и радиационной безопасности, изменения климата.

Первая Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь была разработана в 1997 г. В 2004 г. Национальной комиссией по устойчивому развитию и Президиумом Совета Министров стратегия до 2020 г. главной стратегической целью устойчивого развития провозглашалось «динамичное повышение уровня благосостояния, обогащение культуры, нравственности народа на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной

сфер, сохранение окружающей среды для нынешних и будущих поколений». Определена система показателей для обеспечения мониторинга и контроля устойчивого развития. Государственная программа сокращения бедности и устойчивого развития на 2008–2015 гг. в Республике Азербайджан была утверждена указом президента. Программа нацелена на достижение устойчивого экономического роста; сокращение уровня бедности; улучшение условий жизни, качества основных услуг, а также экологической обстановки; достижение гендерного равенства. В настоящее время в республике реализуется Концепция развития «Азербайджан 2020: взгляд в будущее», утвержденная президентом страны.

В 2003 г. правительством Республики Армения была принята Стратегическая программа преодоления бедности. Программа включала ряд количественных целевых показателей, в частности сокращение бедности по уровню доходов, снижение неравенства и др. В 2008 г. правительство утвердило Программу устойчивого развития, которая определила приоритетом обеспечение устойчивого экономического роста и социальной защиты уязвимых групп населения и улучшение государственного управления, включая эффективное управление природными ресурсами и сохранение окружающей среды. Важно, что для каждой рассматриваемой области Программа установила количественные показатели [Кабинетное...]. При этом совместной стратегии устойчивости развития, включающей хотя бы только вопросы невоенной безопасности, в СНГ и на евразийском пространстве не разработано.

Таким образом, для стран ЕАЭС и СНГ в целом в полной мере проявляется общая закономерность странового, регионального и глобального развития, заключающаяся в необходимости его поступательности. Уровень безопасности и устойчивости развития евразийского пространства, в последние годы подвергающийся все более серьезным внешним и внутренним вызовам, будет определяться не столько интеграцией самой по себе, сколько реализацией крупного проекта, который одновременно был бы выгоден и внешним партнерам, и всем участникам. С точки зрения идеологии глобального развития, в рамках формирования полицентричной системы мироустройства на евразийском пространстве целесообразно формирование «новой территориально-культурной общности» с соответствующим идеологическим каркасом, несущим «принятый большинством смысл» [Ковалев 2017]. Помимо ценностного фундамента, комплексным проектом развития Евразии может стать социальный мегапроект ученых МГУ и РАН «Единая Евразия: Транс-Евразийский пояс развития» [Социальный... 2019], который, на взгляд автора, требует широкого подключения к реализации интеллектуальных элит СНГ, возможно, в рамках создания и деятельности Евразийского научного совета по устойчивому развитию, исследования и рекомендации которого не только обеспечивали бы реализацию интеграционных мегапроектов, но и комплексно и наглядно демонстрировали руководству стран и общественности реальный уровень устойчивости развития всего постсоветского пространства.

Литература

Балиев А. Перспективы общего продовольственного рынка СНГ [Электронный ресурс] : Новости России. 2015. 23 июня. URL: <https://vestirossii.com/ekonomika/perspektivy-obshego-prodovolstvennogo-rynka-sng.html>.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М. : Наука, 1965.

Ганеева М. В. Внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского Экономического Союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017а. Т. 25. № 2. С. 168–177.

Ганеева М. В. Экономическая безопасность интеграционного объединения. Опыт евразийского экономического союза: дис. ... канд. экон. наук. М. : ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов, 2017б.

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Новые глобальные цели устойчивого развития // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2015. С. 61–85.

Исбернер Л.-Р., Лена Ф. Антропоцен: научные споры, реальные угрозы. [Электронный ресурс] : Курьер ЮНЕСКО. 2018. № 2. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-2/antropocen-nauchnye-sporu-realnye-ugrozy>.

Кабинетное исследование по Оценке потенциала стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии в производстве статистики по измерению устойчивого развития и экологической устойчивости [Электронный ресурс] : В рамках проекта счета развития ООН. URL: https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.33/2013/mtg2/SD_desk_study_RU_Final.pdf.

Каких результатов достиг Евразийский экономический союз в 2017 году [Электронный ресурс] : Рамблер. 2017. 30 декабря. URL: https://finance.rambler.ru/economics/38794133/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Ковалев Ю. А. Новая геополитическая реальность и вопросы идеологии // Век глобализации. 2017. № 4(24). С. 14–22.

Кузнецов А. В. и др. ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций 2016 [Электронный ресурс] : Евразийский банк развития. 2016. Доклад № 41. URL: https://eabr.org/upload/iblock/571/edb_centre_2016_report_41_fdi_eurasia_rus.pdf.

Миграция А. Россия в ЕАЭС к 2025 году [Электронный ресурс] : Российский совет по международным делам. 2017. 14 июня. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-v-eaes-k-2025-godu/>.

Мониторинг продовольственной безопасности ЕАЭС: 2014. М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Мониторинг_продовольственной_безопасности_Союза_2014.pdf.

Новикова В. Языковая политика стран СНГ: положение русского языка [Электронный ресурс] : Внешняя политика 2014. 19 июня. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/yazykovaya-politika-stran-sng-polozhenie-russkogo-yazyka/>.

Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А. М. Шелехова [Электронный ресурс] : М., 2002. 161 с. URL: https://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/5_4.pdf.

Пейруз С. Продовольственная безопасность в Центральной Азии как общественно-политический вызов [Электронный ресурс] : ПОНАРС Евразия. Аналитическая записка № 300. 2013. Сентябрь. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Perp_300_rus_Peyrouse_Sept2013.pdf.

Рулева Ю. Экономическая небезопасность Евразийского союза. [Электронный ресурс] : Евразия Эксперт. 2017. 7 июня. URL: <https://eurasia.expert/ekonomicheskaya-nebezopasnost-evraziyskogo-soyuza/>.

Самарина Л. Глава ЕЭК: основная задача для нас – реализовать транзитный потенциал стран союза: интервью [Электронный ресурс] : ТАСС. 2019. 13 сентября. URL: <https://tass.ru/interviews/6883379>.

Ситнянский Г. Ю. Россия в ответе за тех, кого приняла. Ответственность России за ситуацию на постсоветском пространстве // Век глобализации. 2009. № 1. С. 117–131.

Современное состояние и перспективы экономической интеграции на евразийском пространстве / под общ. ред. Л. Н. Красавиной, Н. В. Лукьяновича, Е. Б. Стародубцевой. М. : Эдитус, 2015.

Социальный Мегапроект XXI века «Единая Евразия: Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE (ТЕПР) – Интегральная Евразийская Транспортная Система (ИЕТС)». Концепция (в кратком изложении). М.; СПб. : Нестор-История, 2019.

Устойчивое развитие: Новые вызовы : учебник для вузов / под общ. ред. В. И. Данилова-Данильяна, Н. А. Пискуловой. М. : Аспект Пресс, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/w40rwmhpc/direct/187621464>.

References

Baliyev A. Perspektivy obshhego prodovol'stvennogo rynka SNG. Novosti Rossii [Prospects for the Common Food Market of the CIS] : Novosti Rossii. 2015. June 23. URL: <https://vestirossii.com/ekonomika/perspektivy-obshego-prodovolstvennogo-rynka-sng.html>.

Vernadskij V. I. Himicheskoe stroenie biosfery Zemli i ejo okruzenija [The Chemical Structure of the Earth's Biosphere and its Environment]. Moscow : Nauka, 1965.

Ganeeva M. V. Ekonomicheskaya bezopasnost' integratsionnogo objedinenija. Opyt evraziyskogo ekonomicheskogo sojuza [Economic Security of the Integration Association. Experience of the Eurasian Economic Union]: PhD dissertation. Moscow : RUDN University, 2017.

Ganeeva M. V. Vnutrennie ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti Evraziyskogo Ekonomicheskogo Sojuza [Internal Threats to Economic Security of the Eurasian Economic Union] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Series Ekonomika. 2017. Vol. 25. No. 2. Pp. 168–177.

Il'in I. V., Ursul A. D., Ursul T. A. Novye global'nye celi ustojchivogo razvitija [New Global Goals of Sustainable Development] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 27: Globalistika i geopolitika. 2015. Pp. 61–85.

Issberner L.-R., Lena F. Antropocen: nauchnye spory, real'nye ugrozy [Anthropocene: Scientific Disputes, Real Threats]. Kur'yer YUNESKO. 2018-2. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-2/antropocen-nauchnye-spory-realnye-ugrozy>.

Kabinetnoe issledovanie po Ocenke potentsiala stran Vostochnoj Evropy, Kavkaza i Central'noj Azii v proizvodstve statistiki po izmereniju ustojchivogo razvitija i ekologicheskoy ustojchivosti. [A Desk Study on Assessing the Potential of Countries in Eastern Europe, Caucasus and Central Asia to Produce Statistics to Measure Sustainable Development and Environmental Sustainability]: Under the UN Development Account Project. URL: https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.33/2013/mtg2/SD_desk_study_RU_Final.pdf.

Kakih rezultatov dostig Evrazijskij ekonomicheskij sojuz v 2017 godu [What Results did the Eurasian Economic Union Achieve in 2017] : Rambler. 2017. December 30. URL: https://finance.rambler.ru/economics/38794133/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Kovalev J. A. Novaja geopoliticheskaja real'nost' i voprosy ideologii [New Geopolitical Reality and Questions of Ideology] // *Vek globalizatsii*. 2017. No. 4(24). Pp. 14–22.

Kuznetsov A. V. *et. al.* EAES i strany Evrazijskogo kontinenta: monitoring i analiz prjamyh investitsij 2016 [EAEU and the Countries of the Eurasian Continent: Monitoring and Analysis of Direct Investments] : Eurasian Development Bank. 2016. Report No. 41. URL: https://eabr.org/upload/iblock/571/edb_centre_2016_report_41_fdi_eurasia_rus.pdf.

Migranjan A. Rossiya v EAES k 2025 godu [Russia in the EAEU by 2025.] Russian International Affairs Council. 2017. June 14. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-v-eaes-k-2025-godu/>.

Monitoring prodovol'stvennoj bezopasnosti EAES: 2014 [EAEU Food Security Monitoring: 2014]. Moscow, 2015. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/monitoring/Documents/Monitoring_prodovol'stvennoy_bezopasnosti_Soyuza_2014.pdf.

Novikova V. Jazykovaja politika stran SNG: polozhenie russkogo jazyka. Vneshnaja politika [Language Policy of the CIS Countries: The Position of the Russian Language]. 2014. June 19. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/yazykovaya-politika-stran-sng-polozhenie-russkogo-jazyka/>.

Osnovnye polozhenija strategii ustojchivogo razvitija Rossii [The Main Provisions of the Strategy of Sustainable Development of Russia] / ed. by A. M. Shelekhova. Moscow, 2002. URL: https://www.socionauki.ru/almanac/noo21v/number_2/5_4.pdf.

Pejruz S. Prodovol'stvennaja bezopasnost' v Central'noj Azii kak obshhestvenno-politicheskij vyzov [Food Security in Central Asia as a Socio-political Challenge] : PONARS Eurasia. Policy Note No. 300. 2013. September. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepru300_rus_Peyrouse_Sept2013.pdf.

Ruleva J. Ekonomicheskaja nebezopasnost' Evrazijskogo sojuza [Economic Insecurity of the Eurasian Union] // *Eurasia Ekspert*. 2017. June 7. URL: <https://eurasia.expert/ekonomicheskaja-nebezopasnost-evrazijskogo-sojuza/>.

Samarina L. Glava EEK: osnovnaja zadacha dlja nas – realizovat' tranzitnyj potencial stran sojuza [Head of the EEC: The Main Task for Us is to Realize the Transit Potential of the Union Countries]: interview // TASS. 2019. September 13. URL: <https://tass.ru/interviews/6883379>.

Sitnjanskij G. J. Rossiya v otvete za teh, kogo prinjala. Otvetstvennost' Rossii za situaciju na postsovetском prostranstve [Russia is Responsible for Those it has Accepted. Russia's Responsibility for the Situation in the Post-Soviet Space] // *Vek globalizatsii*. 2009. No. 1. Pp. 117–131.

Sovremennoe sostojanie i perspektivy ekonomicheskoy integracii na evrazijskom prostranstve [Current State and Prospects of Economic Integration in the Eurasian Space] / ed. by L. N. Krasavina, N. V. Luk'janovich, E. B. Starodubceva. Moscow : Editus, 2015.

Social'nyj Megaproekt XXI veka “Edinaja Evrazija: Trans-Evrazijskij Pojas RAZVITIE (TEPR) – Integral'naja Evrazijskaja Transportnaja Sistema (IETS)” [Social Megaproject of the XXI Century “United Eurasia: Trans-Eurasian Belt RAZVITIE (TEPR) – Integral Eurasian Transport System (IETS)”] Concept (Summary). Moscow; St. Petersburg : Nestor-Istoriya, 2019.

Ustojchivoje razvitie: Novye vyzovy : uchebnyk dlja vuzov [Sustainable Development: New Challenges: a Textbook for Universities] / ed. by V. I. Danilov-Danil'jan, N. A. Piskulova. Moscow : Aspekt Press, 2015. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/w40rwmhpc/direct/187621464>.